

ИСТОРИЯ ЭТОГО МИРА

Мальчишки, пасшие на лугу коров, увидели его первыми в посёлке.

– Мигул! Мигул идёт! – звонко прокричали они и вместе с двумя твякающими псинами побежали навстречу путнику. Кряжистый усатый мужчина средних лет, одетый в камуфляжную форму, шёл, устало переставляя ноги в армейских ботинках, а за плечами у него висел огромный военного образца рюкзак. Он тоже издали заметил мальчишек и, остановившись, помахал им рукой.

Ну, вот он уже не капрал Мигулзаир Беркулазо, а просто Мигул...

Путник оглянулся на царапающие небо вершины гор, нашёл глазами седловину узкого перевала, который преодолел сегодня утром, шумно вздохнул. Путь его был долог, тяжёлый груз пригибал к земле. Но осталось немного. Мелькнула мысль, не поручить ли мальчишкам донести рюкзак до посёлка. Они славные ребята и, конечно, справились бы, но Мигул подумал и решил не рисковать: при нынешних обстоятельствах содержимое рюкзака приравнялось к драгоценностям. Так что лучше обойтись без риска.

Однако натруженная спина горячими уколами молила о пощаде, и Мигул решился на небольшой привал в стане пастушков. Окружённый смеющимися и щебечущими мальчишками, он подошёл к их обиталищу. Опустил рюкзак рядом с едва тлеющим костерком, присел на траву, подвигал, разминая, шею и плечи.

– Дядя Мигул, а мы фекху печём. Хотите?

Гость скромно отмахнулся.

– Спасибо, ребята, я не голоден.

– У нас много...

Мигул хмыкнул. Печёных корнеплодов, по форме напоминающих вытянутые картофелины, на холстинке лежало и вправду достаточно. Он знал вкус варёных, жареных и тушёных фекху; запечённые в золе пробовать Мигулу ещё не доводилось.

– Ладно. Только вот водички бы мне...

Вода во фляге ещё оставалась – с той стороны Границы, пропущенная через фильтры и обеззараженная по всем правилам. Но разве можно было сравнивать её со сладкой родниковой водой этих мест...

Мигул напился из предложенного ковша, пачкая пальцы золой, взял горячую фекху. Мальчишки смотрели на него с интересом и уважением.

– Дядя Мигул, а правда, что по ту сторону Границы люди не боятся Карающих? – спросил самый старший пастушок.

Капрал Беркулазо закончил чистить корнеплод и, присыпав его крупной серой солью, принялся есть, про себя отмечая отменный вкус и аромат местного продукта земледелия.

– А вы здесь не боитесь Карающих? – хитро прищурившись, спросил он.

– Мы... нет. То есть боимся, но...

– Мы не грешим, – подхватил ещё один парнишка с ярко-голубыми глазами. – Карающие были против умных машин и больших городов. За это они наказали людей и накажут снова...

– Точно-точно. А у вас за горами, дядя Мигул, делают всякие сложные штуки. И за это пришельцы с небес снова разгневаются и покарают вас, как когда-то...

– То есть вы считаете, что за горами живут одни грешники и я тоже один из них?

Мигул доел фекху и вытер о траву руки. Мальчишки молчали.

– Вот что, друзья. – Он обвёл взглядом сидящую вокруг ребятню. – Вам нужно это понять. Пути наших народов разошлись, это правда. Когда-то давно, до появления Карающих, мы были одним целым, но не сейчас. Мы там, за горами, создаём умные машины и мощное оружие. Вы здесь живёте в единстве с природой. У вас на полях растёт фекху – дар этих самых Карающих, у нас, я напому, запрещённый. Между нами Граница, и мы не можем просто так ходить друг к другу в гости. Но, во-первых, считать нас грешниками за то, как мы живём, неправильно. Во-вторых, то, что мы разные, – не делает нас врагами.

– Дядя Мигул, если нельзя ходить в гости, как это получается у вас?

Мигул улыбнулся.

– Это секрет. Про который там, – он махнул в сторону заснеженных вершин, – никто не знает.

– А как вы думаете, Карающие ещё прилетят? – подал голос веснушчатый мальчишка слева.

– Прошло уже двести лет, и, мне кажется, они не вернуться. Но если Карающие и появятся... Знайте: мы научились следить за дальним космосом, то есть за небом и звёздами. И если мы заметим Карающих или других злых пришельцев, мы успеем подготовиться и зададим им жару. Мы защитим и себя, и вас, если понадобится. Уж поверьте.

Ложь скользнула суст капрала легко. Врать наивным детям – что ж тут сложного? На самом деле по старым записям выходило, что перед мощью Карающих не устояла бы и более развитая цивилизация. Нужны десятилетия, если не века, технического прогресса, чтобы приблизиться к их уровню управления материей и энергией и заодно освоить механизм межзвёздных перелётов. Но ребятишкам об этом знать необязательно. А вот на вопрос по поводу повторного визита пришельцев на Землю ложь была уже не такой явственной. Мигул допускал, Земля ещё увидит пирамидальные корабли звёздных агрессоров, но никто из ныне здравствующих элементарно не доживёт до этого дня. Так он считал.

Капрал съел вторую фекху, ещё раз напился воды и засобирался в дорогу. Лямки рюкзака впились в усталые плечи. Рука скользнула в карман куртки.

– Держите, ребята. – Он вывалил в ладони подскочившим мальчишкам горсть леденцов в ярких фантиках.

– Ух ты! Спасибо, дядя Мигул.

Пастушки тут же принялись разбирать сладости. Мигул с одобрением и удивлением проследил, как без шума и споров конфеты делятся поровну, а остаток от деления отправляется в руки самому маленькому.

«В этом они молодцы, – подумал Мигул, – пацаны с нашей стороны границы вмиг перессорились бы. И это при том, что конфеты для них никакая не редкость».

Весело причмокивая леденцами, мальчишки проводили его до дороги и, попрощавшись, помчались обратно.

– Хорошенько запомните их вкус, – сказал им вдогонку Мигул. И добавил уже тише: – Это – последние.

Спустя пять минут петляющая каменистая дорога перевалила через очередной холм, и перед Мигулом предстал конечный пункт его путешествия – посёлок Уктань-Ши. Состоял он из простых деревянных домов с островерхими крышами, возведённых без особой системы. Здания разделяли между собой обширные огороды, а сам посёлок окружали неровные лоскуты небольших полей, в цвете которых преобладал нефритовый – цвет посадок фекху. Растение, кстати, было удивительным – неприхотливым и плодоносным. Оно имело целых три типа

плодов. Во-первых, верхушки фекху обрамляли гроздья колосьев, из которых делали муку. Во-вторых, по земле стелились коричневые плоды, напоминающие небольшие тыквы – их варили, запекали, из них делали каши. Наконец, в третьих, по осени, выкапывали те самые корнеплоды, которыми пастушки угощали Мигула. Кроме того, листья и стебли шли на корм скоту, и таким образом в итоге перерабатывалось три четверти растения.

Пожалуй, если бы все эти посёлки и городишки, разбросанные по южным и восточным землям и исповедующие отказ от всякой машинерии, когда-нибудь превратились в единое государство, изображение фекху можно было бы смело делать эмблемой их герба и флага.

Мигул пересёк по деревянным мосткам ручей и миновал поляну с чёрным пятном кострища в центре. В прошлый его визит в деревню здесь стоял лагерь бродячих менестрелей. Помнится, тогда капрал задержался у них немного, прельщённый их гостеприимством. За сливовой настойкой и жареной куропаткой Мигул рассказывал лоящим каждое его слово длинноволосым парням и девушкам про жизнь-бытьё за Границей, они в ответ пели ему свои песни.

Одна из них запомнилась особенно...

Расскажи нам историю этого мира.

Покажи нам Границу с обеих сторон,

Дай постичь, моя верная древняя лира,

Заповедник для нас наша Родина... или загон?

Мигул задумчиво потёр подбородок с пробивающейся щетиной. История этого мира... Она была проста и в то же время трагична. Вполне развитая человеческая цивилизация споткнулась о подножку незваных инопланетных гостей и разбилась на два лагеря. Одни снова попытались встать, а другие решили, что ползать по земле как-то удобнее.

Нет, метафоры лучше оставить поэтам и менестрелям. Он, Мигулзаир Беркулазо, человек военный. Он предпочитает факты.

Двести шестнадцать лет назад с небес спустились Карающие – значительно превосходящая нас в развитии раса пришельцев. Никто не знает, откуда они прилетели. Никто не знает, как точно выглядели существа, управляющие огромными пирамидальными кораблями и практически неуязвимыми быстрыми дисколётами. Инопланетные гости не вступали в переговоры, не пытались наладить контакт. Сбылись страшные прогнозы фантастов. Пришельцы атаковали Землю. За несколько дней они уничтожили почти все большие города и крупные техногенные объекты. Целями их атак стали заводы, электростанции, морские и воздушные порты. Человечеству, лишь только делающему первые шаги по освоению околоземного пространства, да к тому же разбитому на множество государств, нечем было ответить агрессорам. Цивилизация пала.

Атака длилась семнадцать дней. А затем Карающие ушли так же внезапно, как появились. Не закончили начатое, не воспользовались ресурсами поверженной планеты, не оставили наблюдателей, просто убралась восвояси. С точки зрения человеческой логики это было крайне странно. Понимание смысла происходящего усложнялось ещё двумя моментами. Прежде всего, при атаках пришельцы почему-то игнорировали массовые скопления людей. Создавалось впечатление, что их агрессия нацелена строго на уничтожение промышленных объектов, органика как таковая их не интересовала. Нет, милосердия в их действиях

не наблюдалось, вблизи обстрелянных объектов люди гибли тысячами, однако маленькие города гнев Карающих обошёл стороной.

Второй же момент заключался в том, что позже во многих местах на планете обнаружили всходы неизвестных доселе растений. Их окрестили фекху по названию звезды, с которой, как считалось, прилетели Карающие. Именно фекху, неприхотливые, плодоносные, не дали умереть с голоду многим людям, чей мир оказался уничтожен.

Два этих фактора послужили поводом для рождения гипотезы о том, что таким образом некие высшие силы наставляли человечество на путь истинный. Мол, технологический вариант развития через варварское потребление ресурсов, через наплевательское отношение к экологии – это ошибка.

Другие же полагали, что искупление былых грехов здесь ни при чём, так инопланетная раса пыталась в зародыше уничтожить конкурентов.

Пока планета лежала в руинах, пока люди, лишённые защиты и комфорта, боролись за выживание и умирали, эти два мнения трансформировались в совершенно разные философские и религиозные мировоззрения. Поверившие в Кару Небесную начали строить новое общество без применения науки и технологии, обращаясь к природе, к внутренним силам самого человека. Другие же, оставшиеся верными принципам прогресса, стали восстанавливать прежний мир. Первые считали, что, вернувшись однажды, Карающие как максимум оценят их усилия и допустят к великим знаниям или как минимум не тронут. Вторые в большинстве своём не верили в возвращение инопланетных гостей, но при этом готовились к столкновению с ними на новом технологическом уровне.

Какое-то время два мира, споря и конфликтуя между собой, всё-таки существовали рядом, но сто лет назад на Мировом съезде произошёл окончательный территориальный раздел и возведение Границы. Линия раздела прошла по двум континентам и трём океанам. Территория отказавшихся от технологий была меньше в семь раз, чем земли их оппонентов. Но это не беспокоило Отказников, как их стали называть. Они жили и развивались по своим правилам. И с той и с другой стороны находились непримиримые экстремистские течения, но в целом воевать никто не собирался. Долгое время желающие могли беспрепятственно перейти Границу как в одну, так и в другую сторону, но тридцать лет назад Граница перестала быть прозрачной. А теперь и вовсе...

Мигулзаир Беркалазо очнулся от мыслей уже шагая по главной улице посёлка.

Уктань-Ши жил своей привычной жизнью. Бегали по дворам куры и гуси, паслась на склоне ближайшего холма небольшая отара овец. Скрипела лопастями в отдалении мельница. Металлический звон раздавался из кузницы. Женщины стирали бельё, возились с детьми, готовили еду – из печных труб многих домиков поднимался сизый дымок. Мужчин в этот час в посёлке было мало: кто пропадал на охоте, кто в мастерских, кто работал в поле. Мигул здоровался со всеми, кого встречал: его тут знали. Пройдя по главной улице мимо многочисленных каменных зданий – остальные в посёлке были деревянными, – он приблизился к двухэтажному строению с покатой крышей. У покрашенных зелёной краской ворот остановился, опустил на землю рюкзак и постучал.

– Эй, староста! Дмир! Встречай гостей!

Вскоре ворота распахнулись и худенькая русоволосая девушка лет шестнадцати в длинном ситцевом платье появилась в проёме.

– Ой! Дядя Мигул! Сейчас дедушку обрадую...

Но Дмир Рактулай, староста посёлка, уже стоял, подбоченясь, на крыльце.

– Лаурика, внучка! Ну-ка позови своего Дюка, нехай котомку нашего гостя в дом затащит.

– Да я сам, – отмахнулся Мигул, но широкоплечий чернявый парень чуть постарше Лаурики уже выскочил из конюшни, поздоровался, улыбаясь во весь рот, и ринулся исполнять наказ старшего.

– Только осторожнее, – напутствовал его Мигулзаир. – Там вещи ценные. Заноси в дом.

Сам он проследовал за парнем и, поднявшись на крыльцо, обнял старосту.

– Здорово, старик!

– И тебе не хворать, вояка!

Старосте было под шестьдесят, но он отличался завидной крепостью как тела, так и духа. Только вот редкая седая шевелюра да такая же белая борода выдавали его годы.

– Что, скоро сватов к твоей Лаурике зашлёт? – подмигнул Мигул старику, кивая на уже выбежавшего из дома молодого парня.

– Что, заметно, да?

– А то!

Староста прищурился, в усмешке кривя губы.

– Ничего не поделаешь. Жизнь... – Следом он несколько сник. – Только вот какие сваты у сироты...

– Это да, – грустно отозвался Мигул. – Не успел я тогда...

На пороге возникла средних лет женщина в цветастой косынке и затёртом переднике поверх скромного серого платья – дочь старосты и мать Лаурики. В руках она держала кувшин.

– Здравствуй, Мигул, – сказала женщина. – Вот, молочка тебе принесла.

– Молочка – это хорошо, Тамира. Спасибо.

Молоко было жирным и вкусным. Мигул ополовинил кувшин, вернул его хозяйке и ещё раз поблагодарил.

– Через полчаса будет обед.

Мигул кивнул. Тамира ответила полупоклоном и отправилась куда-то на задний двор. Дмир положил руку на плечо Мигула.

– О делах после обеда?

– Да. Не будем портить аппетит.

После вкусного и сытного обеда староста пригласил Мигула к себе в кабинет. Выставил на стол графинчик сливовой наливки, достал из ящика курительные принадлежности. Посмотрел на гостя серьёзным буравящим взглядом.

– Что-то случилось?

– Случилось. Границу закрывают полностью.

– Ну, так она закрыта уже без малого тридцать лет.

– Дмир, раньше границу охраняли люди. – Он ткнул пальцем себе в грудь. – Мы – пограничники. С людьми, как ты понимаешь, можно иногда договориться.

– А что теперь? – сощурился староста, сунув в рот набитую табаком трубку.

– А теперь нас меняют на автоматы. Полностью автоматизированный ракетно-зенитно-пулёмётный комплекс. Через месяц после монтажа и проверки всех систем нас переводят куда-то вглубь континента.

– Но чего ради? Неужели вашему начальству помешал тот тонюсенький ручеек контрабанды...

– Я думаю, они боятся, что вы... Ну, то есть... нищие, необразованные племена Отказников в итоге повалят через Границу к цивилизации. То есть к хорошей, сытой, удобной жизни.

– А может, наоборот. – Дмир наконец зажёл трубку и выпустил к потолку колечко ароматного дыма. – Может, они боятся, что от них люди побегут к нам? К чистой воде, к натуральной пище, к свободе духа и... кое-чему ещё.

– Может, и так. – Мигул закончил набивать табаком гостевую трубку. – Радары нацелены наружу, но система имеет реверсивный режим контроля, я это знаю.

– Вот видишь.

– Старик, а так ли важно знать причину, если следствие ломает всю привычную картину мира.

– Ну, за последние двести лет картина мира изменилась очень сильно.

– Тоже верно. – Мигул закурил и медленно выдохнул белёсый дым. – Мне просто тяжело осознавать, что роботы и автоматы вытесняют нас с передовой...

– Кстати, чем это может грозить нам? Какова дальность ракет?

– Нет, вам ничего не угрожает. Главное – не лезть к Границе. Зона поражения сухопутных целей – километр, воздушных – семь километров. Хотя теоретически к системам обнаружения могут быть подключены даже комплексы баллистических ракет, но смысла в этом нет никакого.

– Ох, доиграетесь вы! Всё-таки Карающие ясно дали понять...

– Старик, на эти темы мы уже говорили столько, что аж тошно...

– Ладно. – Дмир в защитном жесте поднял руки. – А что твои подчинённые?

– Тоже не в восторге. Один вообще прознал про тоннель у перевала, которым я хожу, и дезертировал на вашу сторону. Не видели, кстати, чужаков в окрестностях?

– Вроде нет. А когда это было?

– Позавчера.

– Нет, в открытую тут никто не бродил. Выше по реке ушёл, наверное.

– Наверное. – Мигул затянулся, выпустил несколько колец дыма. – Ума не приложу, что в рапорте писать по возвращении...

Они выпили по стопке. Наливка шла легко и совсем не требовала закуски.

– А сам как же? Хотел ведь после службы у нас осесть?

– Хотел, – кивнул Мигул. – Для начала хотел тут до увольнения дослужить. А так получится то же самое дезертирство и даже похуже. Присяга... Честь офицера... Всё такое...

Он поднял заблестевшие глаза на старосту.

– Старик, я ведь у тебя в последний раз. Давай я тебе прощальный подарок выложу и надерёмся с тобой...

– Как скажешь, друг.

Мигул сходил за рюкзаком и начал выгрузку подарков.

– Итак, чем могу напоследок... Это – лекарства. Противовоспалительные, антибиотики, антисептики, обезболивающие... Это – патроны. Винтовочные. Ружейные. Полдюжины сигнальных ракет, компас, бинокль, измеритель радиационного фона на всякий случай. О, кстати, это же подарок твоему будущему зятю – энциклопедия авиации...

Два часа спустя энциклопедия авиации – изумительная книга с цветными картинками – лежала на коленях семнадцатилетнего Дюка Паронга, устроившегося на поленице за амбаром. Такая книга была его заветной мечтой начиная с двенадцати лет, но сейчас изображения и описания самолётов, вертолётов и дирижаблей вызывали вовсе не восторг, а глубокую и безраздельную тоску. Дело в том, что любопытство вынудило парня совершить нехороший поступок: он подслушал, о чём говорили Мигул со старостой, и это повергло его в уныние.

Границу закрывают окончательно. И так почти недостижимый волшебный мир торжества техники, увидеть который он мечтал с детства, отныне становился утерян безвозвратно. Теперь даже белая полоска летящего на невообразимой высоте самолёта станет воспоминанием, не говоря уже о чём-то большем. Об интересе Дюка к технике того мира вообще и к воздушному флоту в частности знали многие, но ни одна живая душа не представляла, как сильно этот обычный деревенский парень грезил покорением неба, преодолением земного тяготения в кресле пилота какого-нибудь воздушного корабля. Увидеть под собой горы, реки и поля, с замиранием сердца пикировать с высоты, лететь навстречу горизонту... Всё это возможно было только там, за Границей, куда теперь не попасть никогда и ни за что.

Непроизвольно у Дюка от слёз защипало глаза. Ну почему?! Почему он родился с этой стороны Границы, среди Отказников? Его с детства влекло к технике. Он не трепетал при упоминании о Карающих. В школе он был отличником по математике и грамоте. Он с удовольствием учился бы и дальше. Он хотел в небо! Возможно, если бы не капрал Беркулазо с его рассказами про чудеса заграничной техники, он не открыл бы в себе этих чувств. Жил бы жизнью простого крестьянина, максимум кузнеца или стеклодува. Без всяких мыслей о возможности другой судьбы.

Хотя... Если бы не капрал Беркулазо, его и самого, пожалуй, не было бы. Мать Дюка умерла от лихорадки, и он сам мог разделить её участь, но Мигул принёс с той стороны спасительные лекарства, и маленькому Дюку посчастливилось выжить. Эх, как часто он думал о том, что Мигул мог бы забрать его в свой мир ещё тогда, восьмилетним мальчишкой... И он стал бы солдатом, в его руках было бы настоящее мощное оружие, и он выучился бы управлять разными машинами, и, может, даже такими, которые нарисованы в этой энциклопедии...

И никогда он не сбежал бы от такого замечательного командира, как тот глупый парень, о котором капрал рассказывал старосте...

Дюк замер, оглушённый неожиданно ворвавшейся в голову мыслью. А может... Он сорвался с поленицы и хотел уж было побежать к дому, но вспомнил вдруг о Лаурике... Она ведь не поймёт его. Она хорошая, славная, добрая, красивая, замечательная, но он – мужчина, а удел настоящего мужчины самому вершить свою судьбу.

Дюкас Паронг снова присел на стопку дров, не зная, что ему делать. Мешанина чувств, эмоций, желаний, мыслей бурлила в его голове. Он поднял глаза вверх. Бездонный небесный океан – мечта всей его короткой и бледной жизни – словно распаивал для него свои объёты.

Два пустых графина из-под наливки и стойкий запах табака в комнате красноречиво говорили о состоянии двух мужчин, уже давно ведущих беседу заплетающимися языками. Лаурика, зашедшая по просьбе деда убраться и принести чаю, смиренно потупившись, колдовала с подносом.

– Ну, что, внучка, понравилась твоему жениху книжка? – Староста хоть и говорил медленно, с трудом произнося слова, но держался в целом стойко.

– Не знаю, пропал он куда-то.

– Ну, ладно, ты это... Приберёшь тут... передай Вакару, пусть баньку истопит.

– Лаурика, ты уж... ик... прости вояку, – подал голос Мигул. – Но для женщин подарков мне взять... негде было. Да и эту... эцик... энци... лопедию я из би... бли... отеки ротной стянул. – Мигул сконфуженно пожал плечами. На него наливка подействовала сильнее.

– Что вы, дядя Мигул, – коротко ответила Лаурика, – какие подарки...

Девушка уже поставила на поднос оба графина и тут, оступившись на валяющейся на полу пробке, качнулась. Один из стеклянных сосудов, брякнув о соседа, перевернулся и полетел вниз. Лаурика, ахнув, дёрнула по направлению к нему рукой, и тот вдруг завис прямо в воздухе, едва не коснувшись досок пола. Девушка подхватила его за тонкое горлышко и водрузила на поднос так быстро, что смотревшие на неё мужчины не успели проронить ни слова.

Придерживая графины, Лаурика поспешила к двери, на ходу обронив лишь, что чай будет через десять минут.

Мигул проводил ошеломлённым взглядом ладную фигурку и уставился на старосту. Капрал, казалось, за мгновенье протрезвел.

– Да это же...

– Это наша награда за отказ от техники. Но мы ведь оба знали, что к этому всё идёт.

– Ага... Я просто... не ожидал, что всё будет настолько... быстро и эффективно...

– Оставайся. Жри побольше фекху. И, возможно, твои дети смогут и не такое.

Капрал молчал и жалел, что наливка кончилась.

– Дюк, миленький! Да что ты такое говоришь?! Как это уйдёшь?

– Лаурика, ну пойми же, это мой единственный шанс. Не могу я здесь жить! Не моё это!

– А как же я? Как же мы?

Дюкас молчал. Ему было тяжело. Ему нравилась Лаурика, он хотел быть с ней, но притяжение иного мира пересиливало. В ушах отбивала ритм кровь: «Последний шанс. Последний шанс!» Другой на его месте ликовал бы оттого, что его любит, во-первых, такая красавица, во-вторых, внучка старосты, что означает со временем какую-нибудь почётную должность в посёлке. Но Дюкаса это не интересовало. Горячее сердце влекло на поиск приключений, разум полностью сдался под натиском мечты. В мыслях он был уже там, с той стороны Границы, где его ждал непостижимый мир науки и техники.

– И ты уже говорил с Мигулом? – Лаурика мигом опустила его на землю. – И он дал согласие?

Дюкас насупился.

– Ещё не говорил.

– Дюкас, я и не думала, что ты такой дурак. Да в клубнях фекху мозгов больше, чем в твоей голове!

Её злость вызвала у него чувство недоумения. Он ждал слёз, ждал, что она будет умолять и кидаться на шею, но она не заплакала.

Лаурика шумно выдохнула, сжала кулаки, словно собиралась наброситься на своего обидчика. Потом разжала и, закусив губу, зашагала прочь. Дюкас не заметил этого, но пыль за её сандалиями закручивалась в зловещие воронки.

Над утонувшим в вечерних сумерках огородом витал запах дыма, а в баньке мельника Вакара, этот самый дым породившей, стоял явственный дух забористого табака и ароматной

медовухи. Вкусившие банных удовольствий мужчины, среди которых помимо капрала, старосты и мельника было ещё трое представителей поселковой «элиты», второй час вели серьёзные, на грани философских, разговоры.

Подперев голову кулаком, Мигул монотонно вещал:

– ...скорострельный пулемёт, миномётный комплекс, ракеты земля-воздух с тепловым и радионаведением, минные заграждения... И неподкупные электронные мозги, управляющие всем этим. Вы теперь в полной изоляции, друзья. Живёте сами по себе.

– Да может, это и неплохо...

– Может, неплохо. Если обойдётесь без междоусобных войн, если не помрёте от эпидемий и голода, если сохраните знания, культуру...

– Сомневаешься в нас, вояка?

– Ну почему? Шанс у вас есть. Особенно если делать ставку на подрастающее поколение с их способностями... – Мигул отхлебнул медовухи из кружки. – Много, кстати, у вас таких?

Староста Дмир пригладил бороду.

– Хватает, – со смешанным чувством гордости и тревоги сказал он.

– А что умеют?

– Разное. Погоду предсказывают, предметы двигают, потерянное находят. Ещё кое-что по мелочам.

– Надеюсь, когда придёт время, это будут уже не мелочи.

– Какое такое «время»? Ты про Карающих?

– Вовсе нет. – Мигул скривился. – Я про своих земляков. Сейчас наша цивилизация ещё слаба, разобщена и вообще недостаточно оправилась после Катастрофы. Но настанет день, и лидеры наций вспомнят про вас. Вернее, про ваши земли, которые можно прибрать к рукам. Этот день придёт нескоро, но рано или поздно придёт. И лучше бы вы начинали готовить к нему ваших детей уже сейчас...

– А Карающие?

– Вы всё-таки думаете, что они вернуться, да?

Мигул покачал головой. От темы второго пришествия Карающих его уже мутило.

– Проветрюсь, – сказал он и вышел из-за стола.

Капрал Беркулазо накинул на плечи куртку, вывалился из избы, прошёлся до околицы. Там справил нужду и не спеша двинулся обратно, любуясь звёздами и отпуская мысли на волю.

«Граница на замке... Умные ракеты, автоматические пушки, всё такое... Не боятся они. Не трагедия это для них. Да они даже рады будут изоляции. Будут себе жить, развиваться, идти своим путём. Правильным, неправильным – не важно, главное – своим. А моя помощь – лекарства, патроны – ну, это хорошо, конечно, этому они благодарны, но вполне обойдутся и без меня, как обходятся сотни других поселений Отказников. А вот я без них... Как я без них? Без этой простоты, без этой душевности, без этой вольной земли, свободной от жёстких законов техномира? Для меня это – трагедия. Вот в чём штука. Вот в чём беда».

Состояние опьянения, немного отступившее после парной, снова накатило. Мигулу стало жаль человечество, идущее по пути раскола, и жаль себя, крохотную песчинку в океане этого самого человечества, и ещё много чего жаль. Вздохнув, он нетвёрдым шагом направился обратно к бане, но на полдороги замер. В кустах кто-то был. Несмотря на опьянение, капрал подобрался и напрягся. Тело автоматически приняло боевую стойку. Рука скользнула к бедру,

тщетно нащупывая там кобуру. Капрал мысленно выругался и... через миг расслабился. Из-за кустов раздался знакомый голос:

– Дядя Мигул, пан капрал...

– Дюкас? – Пограничник облегчённо выдохнул. – Ты что здесь делаешь?

Раздвигая ветки, из тьмы появилась широкоплечая фигура будущего зятя Дмира.

– Дядя Мигул, выслушайте меня, я вас очень прошу.

Капрал Беркулазо хмыкнул и окончательно расслабился. Возможно, даже напрасно.

– Ну, говори.

Несколько секунд парень шумно дышал, настраиваясь. А затем выпалил:

– Дядя Мигул, возьмите меня с собой на ту сторону.

– Ого! – опешил военный. – С чего бы это?!

– Не хочу я здесь жить. Поля, скотина, охота, даже кузня – не моё это. Хочу технику изучать. Хочу... – Он на миг замолчал, а потом решил идти до конца: – Хочу пилотом быть.

– Пилотом? – поразился Мигул. – А ты знаешь, сколько учиться нужно, чтобы пилотом стать? Сколько знаний и навыков накопить, чтобы с серьёзной машиной совладать? Ну хорошо, знания, а как ты без документов на той стороне? Признаешься, что перебежчик, так тебя не то что к самолётам, к плите газовой не подпустят. Или того хуже, загремишь по подозрению в шпионстве... Такое тоже случается...

– А если я вместо того перебежчика, который на нашу сторону подался?

– Подслушивал, значит...

– Случайно, честное слово...

– Как же, поверю...

Мигул замолчал, озадаченный неожиданной просьбой парня. Да, Дюкас был ему хорошо знаком, и известно было его увлечение техникой, не свойственное другим Отказникам, но решиться на такое... Это должна быть или недюжинная смелость, или аналогичная по величине дурость. Или и то и другое.

– Понимаешь, братец... Там – совершенно другой мир. Там человек – маленький винтик в огромной машине. Там у людей зачастую нет свободы воли, свободы выбора. По ту сторону границы жизнь – это гонка, это борьба, это драка. Ты должен стараться любой ценой быть первым. Должен постоянно доказывать обществу свою полезность. Должен защищать своё и ещё стараться оттяпать что-то у соседа. Ты думаешь, почему я люблю наведываться сюда? Здесь спокойно, здесь всё искренне, здесь вольно дышится, на вашей стороне люди честнее, они не смотрят на ближнего своего как на соперника. А ещё у нас там идеология. Впрочем, ты этого не поймёшь... Да и на бытовом уровне взять... Много искусственной пищи, грязная вода, задымлённый воздух...

– Но у вас есть возможности. Есть... перс... пек... тива...

– О! Словечки выучил умные... А толку. – Мигул скептически поцокал языком. – Ну, допустим, я тебя взял заместо того дезертира, документы подделал, всё такое. Но пойми – ты тогда в армии полжизни проведёшь, будешь делать что прикажут.

– Я готов. Мне всё равно, лишь бы там оказаться.

– Вот ты даёшь, парень! Вот ты меня озадачил!

– Ну, я же понимаю, что или сегодня, или никогда...

Мигул реально призадумался, вдруг поймав себя на мысли, что перед ним ещё один человек, для которого непроницаемая Граница – это трагедия. Но от этого желание Дюкаса не казалось менее безумным. Брать парня с собой было плохой идеей для обоих. И ему

достанется, если обман раскроется, и парень, когда разберется во всём, будет жалеть и страдать. Эх... Мигул решил использовать главный козырь.

– А как же Лаурика?

– Я... Мы сегодня говорили уже и... мы поссорились... Она хорошая девчонка, я её люблю, но мой долг мужчины... Это важнее остального. В общем, ради главной цели жизни мне придётся...

Юноша смолк, словно устал запинаться. Мигул понял, что насчёт будущего зятя он поспешил.

– Вы что, уже расстались?

– Да. – В темноте было видно, как Дюкас печально опустил голову.

– Эх, были бы живы твои родители, посоветовал бы тебя выпороть, так чтоб вся дурь вылетела из твоей башки. А так... Пустое. Эх, парень! Ты ведь пожалеешь, а обратно дороги уже не будет...

– Не пожалею. Клянусь.

Мигул даже не понял, на каком этапе вдруг сдался. В самом деле, переделать фото на документах дезертира будет несложно. С сослуживцами договоримся. Поначалу я его натаскаю, а потом... Шанс есть. Но...

– Я поговорю со старостой. Если он будет не против...

– Он согласится! Спасибо! Спасибо!

– Посмотрим. Но ещё одно условие. Тебе нужно поговорить с Лаурикой. Она должна тоже отпустить тебя и не держать зла. Знаю, это трудно, но постарайся. А теперь жди здесь. Я поговорю с Дмиром.

Яркая полная луна любопытством заглядывала в окошко маленькой каморки при кузнице, где на узкой жёсткой лавке никак не мог уснуть Дюкас Паронг. Волнения и эмоции переполняли его. Это случилось! Староста не возражал. Они уходят завтра с Мигулом. Уходят на ту сторону. О, как же это здорово! Он до сих пор не мог в это поверить. Уже завтра он увидит чудеса науки, техники и автоматике, о встрече с которыми так давно мечтал. Завтра начнётся его новая жизнь.

Дюкас посмотрел на собранные в котомку вещи, обвёл взглядом комнатку, в которой обитал. Ничего, что заставит его тосковать, в обстановке не было. В этой комнате он прожил последние семь лет. Когда умерла мама, его взяли под опеку старый кузнец Ромис с женой, чьи уже взрослые дети заняли его родной дом. Вначале Дюкас обижался на такое решение старейшин посёлка, а потом сознательно уже отказался от прав на избу. В прошлом году кузнец овдовел, и под крышей их осталось двое. Ромис был стар, но наследником по кузнечному делу становился его сын, а вовсе не Дюкас, так что посёлок будет не в обиде. Да и что за роль он исполнял на кузне – «поди-принеси, растопи печь». Та же работа отводилась ему и при доме старосты. Хотелось же совершенно иного...

К великой радости, всё теперь позади. С той стороны Границы у него будет настоящее дело. Единственное, что омрачало настроение Дюкаса, – он так и не смог поговорить с Лаурикой. Он искал её, но не нашёл. Девушки не было в доме старосты. Она или убежала куда-то от обиды, или же сидела закрывшись в своей комнате. Дюкас стоял под окном, бросал в него камешки, надеясь обратить на себя внимание, но безрезультатно. Спрашивать у Тамиры парень не решился, а староста в дом ещё не вернулся...

Дюкас в очередной раз перевернулся на лавке, опустив руку, с благоговением дотронулся до подаренной Мигулом книги. И в этот момент услышал, как скрипят в сенях половицы. Шаги приближались к его комнате. Лёгкие, крадущиеся. Он дёрнулся, попытался найти спички, чтобы зажечь свечу, но те куда-то подевались. В этот момент дверь медленно отворилась, и на пороге возник укрытый тёмным плащом силуэт.

Сердце в груди у Дюкаса забило сильнее. Вначале от страха, а потом, когда фигура, закрыв за собой дверь и скинув плащ, оказалась Лаурикой, одетой лишь в одну ночную рубашку на голое тело, сердце забило уже от возбуждения.

Девушка пересекла полосу лунного света, и Дюкас увидел, что она дрожит. Он молча протянул к ней руки. Лаурика приблизилась, и юноша заключил её в свои объятия. Только тогда она заговорила. Торопливо, шёпотом.

– Я знаю, что я дура. Я знаю, что буду жалеть об этом. И что люди меня осудят, знаю. Но я очень хотела прийти. Я хочу, чтобы ты запомнил меня навсегда. Запомнил такой. Запомнил это...

Она сама поцеловала его и прижалась всем озябшим телом. Он ответил на поцелуй, зашептал в ответ её имя, запустил руки в волосы...

– Сделай это, любимый. Я разрешаю. Я хочу.

Он с радостью повиновался. На пол полетела одежда, и юные тела переплелись в жарком танце страсти.

Мигулзаир и его новоиспечённый подчинённый уходили поздним утром, когда солнце уже поднялось высоко над пиками гор. Провожать их вышли многие: как водится, в маленьком посёлке слухи распространяются быстро. Капрал, мучимый похмельем, шёл понуро. Поначалу он махал встречающимся на пути сельчанам, а затем стал лишь кивать. Рюкзак за его плечами был вновь полон, хотя и не так тяжёл и объёмен, как вчера – староста Дмир наложил им в дорогу немало припасов, в том числе там поселились и две большие бутылки крепкой настойки – таким образом планировалось устроить «прописку» новобранцу среди его будущих сослуживцев.

Тот самый новобранец шагал следом за капралом, и на его лице отражалась целая гамма чувств: он ликовал оттого, что его мечты сбывались, он волновался в предчувствии новых забот и проблем, он печалился, покидая навсегда родные края. И ещё на его губах то и дело проскальзывала улыбка от воспоминаний о волшебной ночи, проведённой с Лаурикой.

Они любили друг друга до самого рассвета. Неистово и нежно одновременно. Пытаясь успеть постичь азы наслаждения. Любили в первый и последний раз. Лаурика ушла, когда стало светать, и перед этим ещё долго пыталась уговорить его остаться. Она ушла, не сдерживая слёз, предупредив, что утром он её уже не увидит.

Своё обещание девушка сдержала. Не вышла из своей комнаты. Через щёлку в занавесках она видела, как староста на пороге дома обнял вначале Мигула, затем Дюкаса. Её тонкие пальцы при этом вцепились в подоконник, из глаз струились слёзы, но она так и не двинулась с места. Лишь непрерывно смахивая слёзы, смотрела, как уходит из родного Уктань-Ши навстречу мечте и новой жизни её мужчина.

– Мам, скинь мне папину книжку с самолётами...

Лаурика смотрела из окна на стоящего внизу десятилетнего сына, так похожего на Дюкаса Паронга, которого она когда-то любила и с кем провела всего одну ночь. Ночи, однако, хватило, чтобы появился он – маленький белобрысый Чармыш, её радость, её счастье и её тревога.

– Сынок, может, не надо книгу?

– Ну мам...

Она взяла в руки цветную энциклопедию авиации, подаренную когда-то Дюкасу капралом Беркулазо. Тогда, в тот день, вернее в ту ночь, когда Лаурика пришла к своему возлюбленному, книга так и осталась лежать под кроватью. Возможно, он забыл про неё в суете сборов, а может, специально оставил на память о себе. Края у книги обтрепались, но она по-прежнему была яркой, манящей и загадочной, ибо была родом из совершенно другого мира – того, что лежит за Границей.

– Обещай, что не потеряешь её и не испортишь.

– Обещаю! Ну, посылай.

– Нет, поднимись ко мне и возьми её.

– Ну ма-а-ам... – канючил Чармыш. – Почему ты стесняешься? У нас в посёлке давно такое не скрывают...

Она сдалась. Запустила книгу по направлению к сыну, подхватила мысленно, чтобы та не рухнула в траву, проконтролировала, чтобы полёт закончился в руках сына. Чармыш тут же принялся запихивать её в котомку.

– Спасибо, мам! Пока!

– Стой! Ты взял лепёшки, которые спекла бабушка?

– Да, мам. Лепёшки, фекху, фрукты.

Мальчишка тряхнул пухленькой котомкой, закидывая её за спину.

– Чармыш, ещё. Пообещай, что вы с Бигласом даже не сунетесь к Границе!

– Конечно, мам. Обещаю. Я побегу?

– Ладно, беги. Жду тебя к ужину.

Босые пятки засверкали по тропинке. На соседней улочке Чармыша уже ждал чернявый Биглас. Двое мальчишек выбежали за границы посёлка и остановились отдышаться.

– Давай теперь наперегонки до старого моста.

– Каждый по-своему?

– Ага. Готов?

– Готов!

– Вперёд!!!

И они начали свою ни с чем не сравнимую гонку. Биглас побежал, затем исчез и появился шагах в десяти впереди по ходу движения, пробежал ещё немного, снова исчез, снова появился впереди и опять исчез через несколько мгновений стремительного бега.

Чармыш же взлетел. Он чуть расставил руки, зажмурился и оторвался от земли. Затем открыл глаза, поправил на плечах котомку и, рассмеявшись от радости, что доставлял ему этот полёт, принялся набирать высоту. Земля под ним уходила вниз и уносилась назад. Скорость полёта возросла, воздушный поток бил в лицо, трепал соломенные волосы, дразнил простором и непокорностью.

Поначалу вырвавшийся вперёд телепортёр теперь изо всех сил старался, чтобы не отстать от мальчишки-летуна. Они проскочили холмы и ринулись в долину...

Маленькая чёрная точка мелькнула у горизонта и вновь исчезла. Сердце Лаурики забило сильнее. Она знала, что это летит её сын. С его тягой к небу ничего невозможно было сделать. Она перевела взгляд направо, где за высокими горами располагалась непреодолимая Граница, за которой где-то жил теперь её Дюкас. «Это – наследное, – грустно подумала она. – Дюкас мечтал покорить высь на железной птице. Его сын делает это одной лишь силой мысли».

К одной цели могут вести разные пути. Вот только понимание этого приходит порой слишком поздно.

2014